

История королевской семьи в лучшем виде — подробная, несентиментальная, захватывающая. Вызовы послевоенной монархии и начало правления Елизаветы II описаны с прекрасным количеством деталей.

Гаррет Расселл, автор книги «Дворец: от Тюдоров до Виндзоров, 500 лет британской истории в Хэмптон-Корте»

Опираясь на дневники и мемуары членов королевской семьи и их свиты, Ларман создает пронзительное исследование личного и политического. Любители британской истории останутся довольны достойной заключительной частью.

Publisher's Weekly

Ларман делает запутанную историю монархии доступной даже тем, кто не знаком с дворцовыми протоколами, что делает книгу обязательной к прочтению для англофилов и поклонников королевской семьи.

Booklist

Ларман раскрывает множество восхитительных закулисных деталей, которые делают повествование захватывающим. Достойное завершение незабываемой истории.

Kirkus Reviews

АЛЕКСАНДР ЛАРМАН

БРЕМЯ ПРЕСТОЛА

ВОСШЕСТВИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ II
И РОЖДЕНИЕ НОВОЙ МОНАРХИИ

УДК 94(410)+94(410).08

ББК 63.3(4)6

Л25

Alexander Larman
POWER AND GLORY
Elizabeth II and the Rebirth of Royalty

Издание опубликовано по соглашению с Johnson & Alcock Ltd.
and The Van Lear Agency

Перевод с английского Елизаветы Жуковой

Ларман А.

Л25 Бремя престола : Восшествие Елизаветы II и рождение новой монархии / Александр Ларман; [пер. с англ. Е. О. Жуковой]. – М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. – 368 с.

ISBN 978-5-389-27158-6

Вторая мировая война позади, однако для королевской семьи наступают самые темные времена. Страна разорена, Георг VI тяжело болен, а на политической арене разворачивается жестокая борьба. В этот критический момент судьба империи ложится на плечи 25-летней Елизаветы. Как молодой принц Филипп боролся с Уинстоном Черчиллем за право дать детям свою фамилию? Каким образом 18 непарных семерг на поле для гольфа стали уликой в самом неловком расследовании Скотленд-Ярда? Какие убийственные секреты хранили «Марбургские файлы»? Перед вами не просто блестящее историческое исследование Александра Лармана, а настоящий документальный триллер о долге, пронзительный реквием по старой Британии и гимн женщине, чье 70-летнее правление началось посреди хаоса, но навсегда изменило мир.

УДК 94(410)+94(410).08

ББК 63.3(4)6

ISBN 978-5-389-27158-6

© Alexander Larman 2024

© Жукова Е. О., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри®

Действующие лица

Королевская семья и приближенные

Георг VI, король Соединенного Королевства, Доминионов Содружества и император Индии

Королева Елизавета, его жена

Принцесса Елизавета, их старшая дочь; королева в 1952–2022 гг.

Принцесса Маргарет, их младшая дочь

Принц Филипп, герцог Эдинбургский, муж принцессы Елизаветы

Принц Чарльз, сын Филиппа и Елизаветы

Принцесса Анна, дочь Филиппа и Елизаветы

Эдуард, герцог Виндзорский, бывший король, ныне международный плейбой; в семье и среди близких известен как Дэвид

Уоллис Виндзор, его жена

Королева Мария, мать короля

Принц Генри, герцог Глостерский, ее третий сын

Мария, королевская принцесса, графиня Хэввуд, ее дочь

Лорд Маунтбеттен, кузен Эдуарда и дядя Филиппа

Лорд Брэбурн, его зять

Патриция Маунтбеттен, кузина Филиппа

Бесси Мерриман, тетя Уоллис

Мэй Элфинстон, сестра королевы Елизаветы

Дэвид Боуз-Лайон, брат королевы Елизаветы, «злобный человечек»

Сэр Алан «Томми» Ласселс, личный секретарь Георга VI в 1945–1952 гг.; личный секретарь Елизаветы II в 1952–1953 гг.

Сэр Эдвард Форд, помощник личного секретаря Георга VI в 1946–1952 гг.

Мартин Чартерис, личный секретарь принцессы Елизаветы в 1950–1952 гг.; помощник личного секретаря Елизаветы II в 1952–1953 гг.

Мэрион «Кроуфи» Кроуфорд, бывшая гувернантка принцесс

Майор Джордж Бутлей, ее муж

Питер Таунсенд, конюший Георга VI

Дермот Морра, журналист и королевский спичрайтер

Оуэн Морсхед, королевский библиотекарь и архивариус

Джон Гибсон, лакей принца Чарльза

Леди Анна Гленконнер, фрейлина

[Альберт] Джордж «Эй-Джи» Аллен, солиситор герцога Виндзорского

Сэр Уолтер Монктон, юрист и советник Георга VI и герцога Виндзорского

Кеннет де Курси, доверенное лицо герцога и герцогини Виндзорских

Годфри Томас, бывший придворный

Чарльз Мерфи, гострайтер герцога Виндзорского

Ф. Дж. Дэдд, секретарь герцога Виндзорского

Майк Паркер, конюший принца Филиппа

Лорд Бивербрук, газетный магнат и друг герцога Виндзорского

Виконт Эднам, граф Дадли, и **Лора**, графиня Дадли, друзья герцога Виндзорского

Джоан Мартин, горничная Уоллис

Энн Сигрим, секретарь герцога Виндзорского

Политики

Клемент Эттли, премьер-министр в 1945–1951 гг.; лидер оппозиции в 1951–1955 гг.

Герберт Моррисон, заместитель лидера Лейбористской партии в 1945–1956 гг.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Хью Далтон**, канцлер казначейства в 1945–1947 гг.
- Эрнест Бевин**, министр иностранных дел в 1945–1951 гг.
- Джеймс Чьютер-Ид**, министр внутренних дел в 1945–1951 гг.
- Артур Крич Джонс**, министр по делам колоний в 1946–1950 гг.
- Гарольд Ласки**, лейбористский политик
- Том Дриберг**, лейбористский политик
- Уильям Джоуитт**, лорд-канцлер
- Уинстон Черчилль**, лидер оппозиции в 1945–1951 гг.; премьер-министр в 1951–1955 гг.
- Энтони Иден**, де-факто заместитель премьер-министра в 1951–1955 гг.
- Роберт «Боб» Бутби**, политик-консерватор
- Генри «Чипс» Ченнон**, политик-консерватор и мемуарист
- Гарольд Николсон**, политик-консерватор и мемуарист
- Лео Эмери**, политик-консерватор
- Рэб Батлер**, политик-консерватор
- Джок Колвилл**, личный секретарь принцессы Елизаветы в 1947–1949 гг.; личный секретарь Черчилля в 1951–1955 гг.
- Лорд Галифакс**, посол Великобритании в Соединенных Штатах в 1940–1946 гг.
- Арчибальд Кларк Керр**, 1-й барон Инверчепел, посол Великобритании в Соединенных Штатах в 1946–1948 гг.
- Дафф Купер**, посол Великобритании во Франции в 1944–1948 гг.
- Рамсей Макдональд**, бывший премьер-министр
- Александр Кадоган**, постоянный заместитель министра иностранных дел в 1938–1946 гг.
- Джон Мартин**, личный секретарь Черчилля в 1941–1945 гг.
- Сэр Пирсон Диксон**, личный секретарь Бевина в 1945–1948 гг.
- Эдвард Холман**, помощник посла во Франции
- Сэр Эдвард Бэринг**, верховный комиссар в Южной Африке
- Сэр Уильям Мерфи**, посол на Багамских островах
- Джон Уилер-Беннетт**, британский представитель в Германии
- Клемент Дэвис**, лидер Либеральной партии в 1945–1956 гг.
- Гарри С. Трумэн**, американский президент в 1945–1953 гг.
- Джеймс Ф. Бирнс**, госсекретарь США в 1945–1947 гг.

Джордж Маршалл, госсекретарь США в 1947–1949 гг.

Адмирал Уильям Леги, начальник штаба Трумэна

Роберт Коу, американский дипломат в Соединенном Королевстве

Ян Сметс, премьер-министр Южной Африки в 1939–1948 гг.

Норман Робертсон, канадский верховный комиссар

Иосиф Сталин, лидер Советского Союза в 1924–1953 гг.

Высшее общество

Клементина Черчилль, жена Уинстона

Диана Купер, жена Даффа

Сьюзан Мэри Элсоп, светская львица

Осла Беннинг, канадская дебютантка

Сесил Битон, светский фотограф и мемуарист

Джон Рейт, генеральный директор ВВС в 1927–1938 гг.

Герман и Кэтрин Роджерс, друзья Уоллис

Осберт Ситуэлл, писатель и остролов

Ноэл Кауард, драматург и актер

Питер Коутс, компаньон Чипса Ченнона

Кэтлин Кеннеди, дочь американского посла Джека Кеннеди

Сесил Робертс, друг герцога и герцогини Виндзорских

Генри Люс, издатель и основатель журнала Life

Дэн Лонгвелл, редактор журнала Life

Джон Гордон, редактор Sunday Express

Норман Хартнелл, королевский кутюрье

Сирил Гарбетт, архиепископ Йоркский

Коммандер сэр Мортон Стюарт, хирург-манипулятор короля

Сэр Томас Данхилл, главный хирург короля

Профессор Джеймс Лермонт, королевский профессор клинической хирургии

Клемент Прайс Томас, ведущий торакальный хирург

Лорд Моран, личный врач Черчилля

Леди Астор, подруга королевы Елизаветы

Д.Арсин Осборн, дипломат и друг королевы Елизаветы

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Джеймс «Джимми» Донахью — младший, светский лев, плейбой
и друг герцога и герцогини Виндзорских
Элла Максвелл, американская светская хроникерша и хозяйка салона
Граф Атлон, друг герцога Виндзорского
Роулэнд Бэринг, 2-й граф Кромер, друг герцога Виндзорского
Оскар Немон, скульптор сильных мира сего
Эдмунд Хиллари, альпинист
Майкл Рэмси, епископ Даремский

Прочее общество

Джон Кэпстик, главный инспектор Скотленд-Ярда
Лесли Холмс, осужденный вор
Джон Дин, дворецкий лорда Маунтбеттена
Джеймс Кэмерон, журналист Daily Express
Мариетта Фицджеральд, американская журналистка
Брюс и Беатрис Блэкмар Гулд, соредакторы Ladies' Home Journal
Дороти Блэк, гострайтер Кроуфи
Вера М. Брант, возмущенная поступком Кроуфи
Колм Броган, журналист Daily Express
Кеннет Х. Смит, президент Ассоциации представителей книго-
издателей
Р. М. Макколл, журналист Daily Express

Введение

Когда в конце 2018 года я приступал к работе над «Кризисом короны», я и помыслить не мог, что эта книга станет первой частью трилогии. Сага об отречении, со всем ее драматизмом и богатством материала, казалась мне историей абсолютно самодостаточной. Однако, едва закончив ее, я загорелся желанием продолжить повествование, оборвавшееся на том, как бывший король Эдуард VIII под покровом ночи бежит в Европу. Работая над продолжением, книгой «Виндзоры и война», я чувствовал настоящий трепет, ведь мне в руки попало огромное количество уникальных, никогда не публиковавшихся документов. Они проливали свет на все: от сложнейших отношений между королем Георгом VI и его мятежным братом, герцогом Виндзорским, до масштабов нацистских симпатий главных придворных в начале Второй мировой войны.

Однако, закончив «Виндзоров», я столкнулся с дилеммой. Логика подсказывала очевидный следующий шаг: завершить начатую сагу об эпохе, написав третью, финальную, книгу, которая охватила бы период со Дня победы в Европе¹

¹ Праздник, который отмечается в европейских странах 8 мая. — *Прим. ред.*

до коронации Елизаветы II. Но меня терзал страх, что на фоне двух предыдущих она покажется пресной. Ведь те книги были насыщены грандиозными, драматическими страстями: предательство, борьба за власть, история семьи, раздираемой войной и коварством. Если новая книга не могла бы предложить ничего драматичнее королевской свадьбы, медленной смерти короля и коронации — стоила ли овчинка выделки?

Судить, справился ли я с задачей, предстоит читателям. Но могу сказать, что работа над «Бременем престола» оказалась не менее захватывающей и полной открытий, чем над первыми двумя книгами, и мои опасения, будто этот период был беднее на события, разбились вдребезги.

На этот раз в фокусе три главных героя: юная принцесса Елизавета, чье замужество и семейное счастье омрачены гнетущим осознанием того, что вскоре на ее плечи ляжет чудовищная ноша ответственности; Георг VI, чье хрупкое здоровье было подорвано до основания тем напряжением, которое ему и его стране принесла война; и, разумеется, герцог Виндзорский, который продолжает преследовать собственные цели, не считаясь с последствиями.

Я, как и в других своих книгах, стремился быть справедливым к герцогу, но даже самому великодушному биографу было бы непросто изобразить его в теплом и сочувственном свете. В 2022 году я останавливался в парижском отеле, который они с Уоллис некогда часто посещали, и, мучаясь бессонницей, размышлял: каковы шансы, что мне явится разгневанный призрак Эдуарда, чтобы устроить разнос за то, как он представлен в этих книгах? И если бы его призрак и впрямь явился, надеюсь, у меня хватило бы духа — сразу после звонка консьержу с просьбой принести колокол, книгу и свечу — ответить, что все сказанное мной о нем в этой трилогии основано исключительно на фактах, скрупулезно задокументированных; и чаще всего — что самое убийственное — на его же полных спеси

словах. В отличие от хорошего вина, с годами он не становится лучше.

И если герцог привносит в «Бремя престола» львиную долю драматизма (а порой и комизма), то история его брата образует ее трагическую канву. Георг VI был монархом поневоле, он никогда не желал этой роли и ответственности. И то, с какой верой в свой долг он принял это тяжкое бремя, даже когда становилось все очевиднее, что напряжение губит его здоровье, — и есть истинное свидетельство силы его духа. Я старался нарисовать многогранный портрет монарха, не идеализируя его, но и не умаляя его роли, и надеюсь, что созданный мной образ человека, чьи главные достоинства были скорее отцовскими и супружескими, нежели монаршими, станет стержнем этой глубоко человеческой истории.

Однако если у этой книги и есть героиня, то это, несомненно, будущая Елизавета II. В «Кризисе короны» и «Виндзорах и войне» она мелькала лишь эпизодически, но здесь я наконец-то могу отдать ей должное, показав ее живой и настоящей и в частной, и в общественной жизни. Если моя первая книга была остросюжетным триллером на фоне конституционно беспрецедентного события, а вторая — военной сагой о семье, раздираемой распрями и доведенной до предела, то в основе этой книги лежит простая история: это повесть о близких и нежных отношениях отца и дочери, с той лишь поправкой, что отец угасает, а дочери предстоят потрясения и перемены невообразимого масштаба.

Обе мои предыдущие книги замышлялись, по сути, как черные комедии нравов. «Бремя престола» — совсем другая история. И хотя выходки герцога Виндзорского не переставали меня забавлять — а порой и шокировать, — я сам поражался тому, как часто, пытаясь дописать главу, я не мог продолжать, потому что захлебывался слезами. Даже сейчас некоторые строки — «я почувствовал, что потерял нечто

бесценное»; «вся моя жизнь, будь она длинной или короткой, будет посвящена служению вам» — по-прежнему вызывают у меня павловский рефлекс.

Работа над «Бременем престола» шла полным ходом, когда 8 сентября 2022 года я узнал о смерти королевы. Как и все в Британии, я почувствовал, словно из моей жизни вырвали нечто вечное и незыблемое. И все же среди миллионов слов, написанных о ней в те дни — сочувствующих, враждебных или просто констатирующих, — был один неоспоримый тезис: и своим поразительным долголетием, и своей пожизненной преданностью служению она была монархом *sans pareil*¹. Поэтому вполне уместно, что «Бремя престола» стало летописью конца одной эпохи, одной Британии, и рождения другой. Эта книга, быть может, и трагедия, и реквием по утраченной нации, но в то же время — это гимн женщине, которая сотворила новую страну по своему образу и подобию.

Возможно, я удивлю своих читателей, если скажу, что я не монархист. В отличие от некоторых моих коллег-историков, я всегда старался смотреть на королевскую семью с клинической отстраненностью, а не с восторгом преданного поклонника того, что представляется мне глубоко порочным и отжившим свой век институтом. Безусловно, то абсурдное потворство, которое оказывали герцогу Виндзорскому — человеку, который во время Второй мировой войны должен был сесть в тюрьму за государственную измену и, в идеале, там и остаться, — обнажает худшие стороны «Фирмы» и принципа *noblesse oblige*², который распространялся на каждого ее участника, независимо от его поступков. Но и добродетели, которые они воплощали в своих лучших проявлениях, были не менее реальны: мужество,

¹ Несравненная, не имеющая себе равных (*фр.*). — *Прим. пер.*

² Положение обязывает (*фр.*) — французское выражение, означающее, что высокий статус, богатство или власть накладывают на своих обладателей моральную ответственность. — *Прим. пер.*

ВВЕДЕНИЕ

щедрость, сострадание и преданность служению своей стране, а не самим себе. Когда я дописал эту книгу, я с трудом сдержал порыв вскочить на стол и закричать: «Боже, храни королеву!» Так что республиканец из меня так себе. Но если это завершение трилогии заставит хотя бы одного читателя испытать подобный порыв, я с гордостью сочту свой долг историка и биографа исполненным.

*Александр Ларман,
Оксфорд, июнь 2023 г.*

Пролог

«Вся моя жизнь будет посвящена служению вам»

Сэр Алан «Томми» Ласселс, личный секретарь Георга VI, своей главной добродетелью почитал невозмутимость. И было отчего: за десятилетия службы короне он повидал всякое, пройдя путь от неохотного наставника принца Уэльского — будущего Эдуарда VIII, а ныне герцога Виндзорского, — до доверенного лица, правой руки и, по сути, главного распорядителя при дворе короля. Если что-то происходило при дворе без ведома Томми, это, скорее всего, было либо сущим пустяком, либо пустыми сплетнями. И все же в апреле 1947 года произошло событие поистине международного масштаба, которое пошатнуло его самообладание. Была написана речь, от которой зависело будущее монархии, и ее трансляция была назначена на ближайшие дни. Но мало того, что король отверг ее как никуда не годную, — теперь она к тому же бесследно исчезла.

Пока Ласселс метался по «Белому поезду» — составу, оборудованному кондиционерами, в котором во время государственного визита в Южную Африку путешествовала королевская семья со всей своей свитой из придворных, журналистов и слуг, — отчаянно пытаясь отыскать пропавший черновик, у него было время подумать об успехах и провалах этого турне. Это была первая подобная поездка

с 1939 года, когда король и королева посетили Канаду и Соединенные Штаты, успешно заручившись их поддержкой накануне мировой войны, которую все считали неизбежной.

Восторг, с которым встретили королевскую чету, уступал разве что взрыву национальной гордости, который ждал их по возвращении. Теперь же, несмотря на столь же теплый прием, оказанный паре и их дочерям, Елизавете и Маргарет, в этом дальнем уголке Содружества, турне не смогло повторить былого триумфа. Король в особенности был изнурен, раздражителен и все больше напоминал живой реликт ушедшей эпохи. И было жизненно необходимо, чтобы речь, которая должна была прозвучать в конце поездки, возродила веру всего мира в монархию. Та самая речь, размышлял Ласселс, которую не только забраковал король, но которая теперь еще и канула в небытие.

Усугубляло ситуацию и то, что сама принцесса Елизавета, которой и предстояло произнести эту речь, оставалась для мира загадкой. Будущим подданным она, конечно, была знакома по официальным мероприятиям вроде ее появления с родителями на балконе Букингемского дворца в День Победы, когда она улыбалась и ликовала вместе со всей страной. Да и слухи о ее зарождающемся романе с молодым морским офицером греческого происхождения Филиппом Маунтбеттенем будоражили газетные полосы неделями, если не месяцами, перед ее отъездом в Южную Африку в начале 1947 года. И все же Ласселс и ее семья вполне осознанно оберегали ее от излишнего внимания публики, пока она не повзрослеет. Лишь теперь, к ее 21-му дню рождения, настал тот самый момент, когда пора было явить ее миру. И этот дебют должен был стать безупречным.

Впрочем, Ласселс находил утешение в одном немаловажном обстоятельстве. Речь не нужно было записывать в прямом эфире, отчасти из-за разницы во времени — Елизавете пришлось бы выступать глубокой ночью, — а отчасти

потому, что сама виновница торжества была измождена. Свое совершеннолетие она встречала в окружении благожелательных, но чужих людей, а не в кругу семьи, где каждый был поглощен бесчисленными обязанностями, неизбежными в любом турне такого масштаба. Особенно ее тревожил отец, король Георг VI, чье здоровье, казалось, сдавало. И мысль о том, что эта южноафриканская поездка задумывалась в том числе и как отдых для него, как шанс хоть немного сбросить непомерный груз ответственности десятилетнего правления, казалась не более чем злой насмешкой.

И все же обращение Елизаветы к Содружеству должно было стать символическим апогеем поездки. Оно не только было адресовано жителям страны, где она находилась, но и служило напоминанием народу Британии, что о нем не забыли. Напоминанием о том, что женщина, которая однажды взойдет на трон, относится к своему будущему долгу так же серьезно, как и ее отец, — и несравненно серьезнее, чем когда-либо относился ее дядя, герцог Виндзорский. Создание такой речи было огромной ответственностью, но, к счастью, рядом оказался человек, которому эта задача была по плечу.

Дермот Морра принадлежал к той редкой породе людей, что преуспевают в нескольких совершенно разных областях, притом сохраняя такой иронично непринужденный вид, что сразу понятно — самодовольство им совершенно чуждо. Он был не только блестящим математиком и членом Колледжа всех душ в Оксфорде, но также и ведущим автором передовиц в *The Times* и славился умением облекать сложные, порой противоречивые, идеи в меткую фразу или афоризм. Именно эти статьи и привлекли внимание Ласелса, который не раз прибегал к эрудиции и литературному дару Морры, чтобы отшлифовать, а иногда и написать с нуля многие публичные выступления Георга VI. Казалось само собой разумеющимся, что его попросят оказать ту же услугу и его дочери.

Тем обиднее было, что король, увидев черновик ключевой речи Елизаветы, подготовленный Моррой, лишь презрительно вздохнул. По его мнению, это был второсортный набор заученных высокопарных фраз. Позже корреспондент «Би-би-си» Фрэнк Гиллард предположил, что Георг счел творение Морры «слишком напыщенным и полным банальностей» [1]. И хотя поначалу Ласселс был в восторге и даже написал автору, что «не припомнит черновика, который бы так его удовлетворил, что не хочется менять ни единого слова», теперь стало очевидно: текст нуждается в серьезной переработке. Он должен был звучать так, будто исходит от 21-летней девушки, а не от 51-летнего мужчины.

Уже не впервые Ласселсу пришлось самому браться за дело. Он попытался направить ученые аллюзии и оксбриджскую эрудицию Морры¹ в более простое и доступное русло. В своем первоизданном виде речь казалась до смешного неподходящей для принцессы. Отсылки к Руперту Бруку и Уильяму Питту выдавали автора с головой, а скрытые реверансы в сторону Смэтса в Южной Африке и усилий Маунтбеттена в Индии накануне раздела были до крайности политизированы и лишены личной ноты. Впрочем, с этим приходилось мириться: в конце концов, королевские речи ценились не столько за содержание, сколько за сам факт их произнесения.

И все же Ласселс сам загнал себя в ловушку, отозвавшись Морре об оригинальном черновике, что «в нем слышны и трубный зов речи другой Елизаветы в Тилбери»²,

¹ Оксбридж – собирательное название Оксфордского и Кембриджского университетов, старейших и самых престижных в Великобритании. – *Прим. пер.*

² В которой Елизавета I в 1588 году, сплачивая свои войска перед ожидаемым вторжением Испанской армады, заявила: «Я знаю, что телом я – слабая и немощная женщина, но у меня сердце и желудок короля, и притом короля Англии». – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

и простота бессмертной фразы Виктории: «Я буду хорошей» [2]. Теперь ему предстояло соответствовать собственной лестной оценке. Наконец, к своему неопишному облегчению, он нашел пропавший черновик под грудой бутылок со спиртным в вагоне-ресторане, и они смогли начать все с чистого листа. Речь должна была сочетать в себе обязательные для такого случая темы — долг, честь, традиции, служение — с чем-то совершенно иным, что отразит личность той юной девушки, что будет произносить эту речь. Задача была не из легких, но оба автора верили в успех.

Наконец, когда Ласселс с «особым тщанием» отшлифовал новый вариант, он вручил его Елизавете и с замиранием сердца стал ждать ее вердикта. Она дочитала, подняла на него глаза и тихо сказала: «Эта речь заставила меня плакать». «Вот и прекрасно, — с облегчением выдохнул Ласселс, — потому что, если она заставляет плакать Вас сейчас, она заставит плакать и 200 миллионов других людей, когда они услышат ее. А это именно то, чего мы хотим» [3]. Он оказался прав. И тогда, и многие годы спустя бесчисленные миллионы людей разделяли ее чувства.

*

Но даже одобрение принцессы не означало, что работа закончена. В воскресенье, 20 апреля, король, королева и Елизавета уединились в саду отеля «Виктория-Фолс» (Victoria Falls Hotel) и принялись за финальную шлифовку. Строчка за строчкой они правили текст, стремясь, чтобы он звучал как искреннее, прочувствованное слово молодой девушки, а не как сухое брюзжание двух мужчин средних лет. Речь должна была быть и естественной, и глубокой; ведь это был единственный шанс Елизаветы произвести первое впечатление на мир, и провалить его она не имела права — на кону стояли стабильность и будущее монархии. И все же все они понимали, что теперь имеют дело с материалом, ставшим

несравненно лучше после тщательной и вдумчивой редактуры.

Наконец, когда трио сочло, что речь доведена до совершенства, Елизавета приступила к репетициям под руководством Гилларда. Тот нашел ее «собранной, уверенной и чрезвычайно расположенной к сотрудничеству»; она в полной мере осознавала всю серьезность своей миссии. Когда они убедились, что текст отточен до последнего слова и звука, речь записали на пленку прямо в саду, где единственными слушателями будущей королевы были местные обитатели. Скромное начало для семи самых важных минут в ее тогдашней жизни. Но стоило ей заговорить, как все волнение и сомнения, что могли ее терзать, испарилась.

21 апреля 1947 года голос Елизаветы зазвучал из каждого радиоприемника в Британии и Содружестве. Ее слушало до 200 миллионов человек. Она говорила чисто, хоть и с понятной дрожью волнения в голосе, и излагала то, что станет ее жизненным кредо. Тех, кто видел текст заранее, предупредили: это будет самое значимое публичное заявление из всех, что она когда-либо делала.

И все же, когда она начала со слов: «В свой 21-й день рождения я рада возможности обратиться ко всем народам Британского Содружества и Империи, где бы они ни жили, к какой бы расе ни принадлежали и на каком бы языке ни говорили», — некоторые из организаторов трансляции, должно быть, вздохнули с облегчением уже оттого, что она вообще вышла в эфир. Однако слушатели у своих приемников могли быть разочарованы первой частью. Она по большей части состояла из казенных фраз, унаследованных от черновика Морры: «Мне очень помогает осознание того, что по всему миру есть множество друзей, которые думают обо мне и желают мне добра»; «в этом великая привилегия нашего места во всемирном содружестве — на каждом континенте нас готовы принять

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Ларман Александр

ВРЕМЯ ПРЕСТОЛА

Восшествие Елизаветы II и рождение новой монархии

Ответственный редактор М. Терехова
Выпускающий редактор Е. Солодовникова
Редактор А. Каршакевич
Технический редактор Л. Сеницына
Художественный редактор М. Левыкин
Корректоры О. Ануфриева, Л. Асанова
Компьютерная верстка С. Иванова

В оформлении обложки использованы иллюстрация Shutterstock.com: © vectorimage; фотография королевы Елизаветы II в день коронации (Сесил Битон, 1953), а также изображение имперской государственной короны королевы Виктории (1904).

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.05.2026.
Формат 60×88^{1/16}; Гарнитурa «NewBaskerville». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,54.
Тираж 2000 экз. М-НІЕ-36160-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака Колибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – Колибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68, БЦ «Регул», 2-й этаж Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 195112, Санкт-Петербург, Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат, Регул бизнес орталығы, 2-қабат Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

